

КАМЕНЬ-ПЕТР И ФИНСКИЙ ГРАНИТ

Город святого Петра – Святой град Петров – Петров град. Каждый вариант резко меняет значение имени Санкт-Петербурга (или Петербурга, избавившегося от неудобоваримого стечения согласных “нктп” – а вместе с ним и от небесного покровительства). И каждый вариант заведомо заложен в этом имени¹. Петровская эпоха любила двусмысленности и каламбуры, любила игру смыслов, возникающих при соотношении иноязычных выражений с их русскими эквивалентами. А потому учитывала, конечно, и еще одну возможность русской интерпретации латино-греко-германского названия новой столицы: “Город святого камня” или “Святой каменный град”².

1

Первые, деревянные ворота, ведущие в Петропавловскую крепость, были украшены поныне сохранившимся барельефом, изображавшим низвержение Симона-волхва апостолом Петром. Маг и чародей Симон состязался со святым Петром подобно тому, как египетские жрецы состязались некогда с Моисеем – и был посрамлен, как и они. История эта, рассказанная в Деяниях апостолов (8, 9 – 24), породила множество легенд. Согласно одной из них, Симон бросился вниз с высокой башни, демоны подхватили его (реализация одного из искушений Христа) – но святой Петр заставил демонов отступить, и маг разбился о камни. Именно этот, заимствованный из легенды, а не из Нового Завета, эпизод и изображен на воротах, получивших название Петровских³.

Наделяя Петра Великого чертами повелителя стихий, официальная литература уподобляла его Творцу: новый “парадиз”, новый космос создается из хаоса, как и мир в первые дни

творения. Отзвуки этой темы еще слышны во Вступлении к “Медному всаднику” Пушкина. Не менее отчетливым, чем уподобление Богу-Отцу, было уподобление Петра Христу, прижизненно утверждаемое официальной идеологией⁴.

В апокрифических легендах Симон-волхв присваивает себе имя Христа, пытается имитировать вознесение и бессмертие Христово. Самоотождествление с Христом народное сознание квалифицирует как деяние Антихриста, чьим именем оно клеймит императора Петра, но предтечей Антихриста выступает и Симон-волхв. Любопытно, что достохвальное обуздание Петром стихий тоже оценивается старообрядцами как борьба с Богом⁵ (такая же, как та, какую затеял чародей Симон).

Вступившие в единоборство с русской традицией Петр и его сподвижники не могли не знать о подобных оценках – и они дерзостно играли с ними, громоздя и контаминируя смыслы. Петровская эпоха стремилась не столько к созданию нового канона, в котором доминирующее значение подчиняло бы и уравнивало значения привходящие, сколько к созданию многослойных смысловых структур, оспаривающих и обыгрывающих друг друга.

Аллегория на Петровских воротах в прямом своем прочтении означает победу христианства над язычеством. По слову Феофана Прокоповича, “изображена бо на них древняя оная повесть о низпадении с воздуха Симона Волхва летающего, си есть невидимыми демоны носимы быти потзившегося, и на моление к Богу смиренного Петра Апостола, оставленного от носящих бесов и долу падшего”⁶. Не эта тема была актуальна при создании Петербурга – Феофан Прокопович предлагает следующий слой прочтения: “Образ тот являет, мню, победы толь многия Царскому Величеству, возложением на милость Божию полученныя, и купно побеждение неприятеля, за гордость свою отвергшаго всякие мирные договоры, и себя аки до небеси могуща взлетети возомнившего”⁷.

Символика Петровских ворот вообще была лишена однозначности. Наверху с наружной их стороны стояла деревянная скульптура апостола Петра. С внутренней стороны был изображен “главный” русский святой – Николай Чудотворец. Присутствие здесь их двоих в равной мере выражало желание и почтить обоих святых, и столкнуть их между собой как конкурирующих небесных патронов. Петр стоит выше – но это не значит, что ему отдан безусловный приоритет: он оспорен еще одним святым, апостолом Андреем (петербургское предание рассказывает, что при закладке новой столицы в ее основание был положен каменный (!) ящик, внутри которого в золотом ковчеге покоились мощи апостола Андрея, ибо это он еще по вознесении Христа отметил своим жезлом место будущего Санкт-Петербурга⁸).

Такое заведомое, нарочитое, специальное столкновение смысловых и ценностных приоритетов продуцировало чрезвычайную динамизацию значений, интерпретации влекли за собой переинтерпретации и пере-переинтерпретации. Даже оставаясь невысказанными, они потенциально содержались в самих реалиях петровского парадиза. В большой степени с ними связан и генезис послепетровской петербургской мифологии.

Попробуем предложить одну из возможных переинтерпретаций истолкования аллегории, данного Феофаном Прокоповичем.

Симон-волхв на Петровских воротах изображен в момент стремительного низвержения, падения вниз головой. Применяя учение Лессинга о “продуктивном моменте”, можно сказать: маг – противник Петра – должен упасть к подножию ворот и разбиться о *камень* нового града. Симон в этом противостоянии заведомо обречен. Но чем обеспечено превосходство Петра?

Петр – камень. Евангелие акцентирует это значение: “Ты Петр, и на сем камне я создам церковь мою, и врата ада не одолеют ее” (Мтф. 16, 18). Имя Петр наречено апостолу Христом.

До встречи с учителем он звался Симон. Отсюда и смысл легенды: Симон, не ставший Петром-камнем, на котором утвердится Христова Церковь, от камня погибнет.

Заметим: эта легенда никогда бы не родилась, если бы не то обстоятельство, что Симон – ветхое имя Петра. За рамками христианской мифологии Симон-Петр должен быть сильнее Симона потому, что он – обладатель обоих имен, имеющий силу Симона и силу Петра. Симон-волхв на одно имя, на одну магическую силу беднее. В христианской легенде этот мифологический архетип модифицирован: в ней магия повержена святостью (а не удвоением магического потенциала).

Избирая сюжет о Симоне и Петре для аллегорички Петровских ворот, петербургская культура, естественно, ориентировалась на христианский смысл легенды. Но это не значит, что ее дохристианский архетип не “работал” при создании петербургского “текста”. Он работал даже не потому, что кто-то сознательно к нему обратился, но потому, что заложенный в нем механизм был очень близок законам порождения петербургского культурного пространства.

Поставленная на верху ворот фигура апостола Петра с ключами от рая позволяла трактовать петровские ворота как врата рая: ведущие – в “парадиз”. Эта символика могла бы читаться в рамках христианского канона (небесное – прообраз земного), если бы то были монастырские или церковные, а не крепостные ворота. Канон оказывался, с одной стороны, соблюден, с другой стороны – сдвинут, и сдвинут по линии разграничения сакрального и профанного. Царство небесное как прообраз церковного пространства – это нечто совсем иное, чем оно же как прообраз профанного пространства новой столицы. По отношению к петровскому парадизу Божий рай становится едва ли не ветхой реальностью, лежащей в основание реальности новой, вбирающей в себя “ветхую” силу, подобно тому, как в реконструированном архетипе легенды сила Петра сообщается ему тем, что в нем “сокрыт Симон”. (Еще в

допетровское время культура, озабоченная проблемой нового титулования (нового поименования) русского царя, трактовала принятие (заимствование) титула именно как приобщение к той или иной исторической державной силе – приобщение, гарантирующее превосходство над ней.)

Это присутствие ветхого в новом ради вящего приумножения новой силы (иной раз присутствие сокрытое, потаенное) было типично для Петербурга. По сообщению Ю.И. Виленбахова, в петербургском гербе содержатся трансформированные мотивы герба Ватикана (преемника Рима)⁹: Петербург, претендующий стать новым Римом, вбирает в себя атрибутику “ветхого” Рима. Позже Московско-Российский герб с изображением Георгия Победоносца станет внутренним образом Медного всадника.

Петербург мыслил себя и как новую Москву, и как новый Рим, и как новую Голландию, и как новый Новгород, и как новый Архангельск, и как новый Киев¹⁰. Это сопровождалось не только привнесением символики, подобной той, о которой только что говорилось, но и перенесением целых фрагментов “ветхой” реальности в новый парадиз. Такой реальностью могла быть и христианская святыня (мощи Александра Невского)¹¹, и итальянская скульптура, привезенная для Летнего сада. Так Петербург вбирал в себя мир, и этот процесс продолжался вплоть до начала XX столетия, когда почти одновременно здесь были выстроены мечеть и буддийский храм.

2

Новой Финляндией Петербург, как кажется, себя не считал. В XVIII веке, правда, было выстроено несколько лютеранских церквей, в 1733 г., в частности, по указу Анны Иоанновны было отведено место для молитвенного дома шведов и финнов, где позже возвели Мариинскую церковь, в народе до сих пор называемую Марией Финской. Но похоже, что эти ак-

ции были вызваны скорее практической необходимостью и протестантскими симпатиями царствующего дома, а не теми побудительными мотивами, вследствие которых был выстроен, например, собор Петра и Павла. Петербург равнялся на победителей, а не на побежденных.

Тем не менее закон претворения ветхого в новое, закон, по которому ветхое продолжает жить в новом, сообщая ему свою магическую силу, распространился на побежденных.

По отношению к Швеции это произошло очень рано. Лев, изображенный на шведском гербе, стал непременным компонентом аллегорического изображения Петра-Геракла и Петра-Самсона (античного и библейского победителей львов), а символическое обновление ветхозаветного Самсона выразилось в строительстве четвертой по счету петербургской церкви – Сампсониевской на Выборгской дороге. Церковь была освящена в честь преподобного Сампсония-странноприимца, день памяти которого – 27 июня – совпадал с днем Полтавской победы.

Что же касается Финляндии, то явственная мифологическая интеграция ее в состав петербургского универсума, по всей видимости, произошла гораздо позднее – уже в XIX веке¹² (хотя взаимодействие с сакральными ориентирами финского культурного пространства прослеживается и в первые десятилетия существования Петербурга¹³).

Показательна в этом отношении судьба одной поэтической формулы одического воспевания Петербурга, возникшей в XVIII веке. Это формула “где прежде – ныне там” (где прежде леса и болота – там ныне город; где прежде хижины – там ныне дворцы и т.п.). Вполне очевидно, что она построена на той же оппозиции ветхого и нового (хотя подчеркивает не интеграцию, а упразднение ветхого). Но, судя по всему, “прежнее” (ветхое) почти никогда не обозначалось как “финское”. Во всяком случае, среди множества примеров употребления этой формулы, приведенных выделившим и проанализировавшим ее Л.В. Пумпянским, такого обозначения не встречается¹⁴.

Акцентированным этот момент оказывается в “Медном всаднике” Пушкина, где старая формула получает новую жизнь: “Где прежде финский рыболов...” Тот же мотив включен здесь и в традиционное противопоставление дворцов и хижин:

Чернели избы здесь и там, Громады стройные теснятся
Приют убогого чухонца Дворцов и башен...¹⁵

Между прочим, начальные строки вступления к “Медному всаднику” очень близки описанию, данному Феофаном Прокоповичем; он повествует о “малом островце”, который “судился быти угодный к новой крепости” (т.е. Петропавловской): “было на нем некое чухонское жильё, несколько промеж хвастия рыболовских хижин; а острова прочие густым лесом зарослые стояли, а между лесами оными мало нигде сухой земли, везде мокрота и грязь, так что неугодный и проход в них был. А однако всему тому неугодию изобретено врачество, яко же послежде скажем”¹⁶.

Как видим, у Феофана Прокоповича обыгрываемой деталью становится “врачество” природного “негодия” (то есть тема борьбы со стихиями, предвестие формулы: где прежде леса и болота – там ныне...). Упоминание же о “чухонских” поселениях остается простым документальным сообщением факта.

Иначе строится тема побеждения стихии в “Медном всаднике”. Здесь это не стихия вообще, но *финская* стихия:

Да умирится же с тобой
И побежденная стихия;
Вражду и плен старинный свой
Пусть волны финские забудут...¹⁷

Один из исследователей “Медного всадника” заметил, что это заклятие, возникающее в финальной части Вступления, не

мотивировано предшествующими ему стихами (в них говорилось о противостоянии Петра морю) – оно как бы откликается на более широкий контекст взятой Пушкиным темы и, в частности, – на “Петроград” С. Шевырева (1829 г.), стихотворение, сюжет которого – состязание Петра с морем. К Шевыреву, в частности, восходят слова “побежденная стихия”¹⁸. Но это сопоставление подчеркивает и отличие: у Шевырева море – шведское:

Море спорило с Петром:
“Не построишь Петрограда;
Покачу я шведский гром,
Кораблей крылатых стадо.
Хлынет вспять моя Нева,
Ополченная водами:
За отъятые права
Отомщу его волнами.”¹⁹

“Отъятые права” – это тоже, конечно, права шведов. Пушкин смещает акценты, а, быть может, и полемизирует с Шевыревым: он говорит о финских волнах.

В этой связи обратим внимание на еще одну оппозицию, заданную во Вступлении к “Медному всаднику” и тоже разрабатывающую тему “где прежде” – “ныне там”:

На берегу пустынных волн В гранит оделася Нева²⁰

Одна из побед цивилизаторской деятельности Петра над стихией отмечена тем, что пустынные волны закованы в гранит. Вода смирена камнем – камнем-Петром и его каменным градом²¹.

Подножие Фальконетова монумента служит великолепным символом такого взгляда на соотношение двух стихий: скала, на которую поднялся всадник, имеет форму волны, это

окаменевшая волна, волна, подчиненная камню. И снова здесь возникает мотив “Симона и Петра”: победившая стихия содержит в себе (в данном случае – как внутреннюю форму) стихию побежденную. (Немаловажно в этом контексте и то, что Петра I трактовали одновременно и как победителя вод, и как человека, связанного с водой какими-то особыми, нерасторжимыми узами. Иностранцы, описывающие рождение Петербурга, неизменно отмечают невероятное пристрастие Петра к водной стихии, без которой он не мыслит своего существования²².)

Но вернемся к “Медному всаднику”. По воле Пушкина, или независимо от нее, но подключение Вступления петербургской повести к традиции XVIII века соотносит с аллегорическим камнем этой традиции “береговой гранит” Невы. И Пушкину было прекрасно известно, что это финский гранит, без которого немислима каменная плоть Петербурга: его набережные, Гром-камень под Медным всадником, Александрийский столп, 56 колонн Казанского собора, 48 колонн Исаакия...

Обстоятельство это не актуализировано в художественном замысле “Медного всадника”. Но в рамках единого петербургского “культурного текста” оно, безусловно, работало – и прямое свое выражение нашло в “Саламандре” В.Ф. Одоевского (1841 г.) – в повести, продолжающей мифотворческую традицию “Медного всадника”.

Старик-финн рассказывает в “Саламандре” легенду о Петре и Петербурге. Петр выступает в той легенде как повелитель камней. Вот состязается он с королем шведов: “Король сидел на берегу, помахивая железным мечом и приказывая скалам подыматься из моря, но скалы не слушались; король рассердился, море пуще взбушевало; как вдруг расступилось, и из вод вышел царь вейнелейсов (“Так финны в старину называли русских” – примечание Одоевского); одною рукою он приподнял скалы”. «Царь собрал своих вейнелейсов и говорит

им: “Постройте мне город, где бы мне жить было можно, пока я корабль построю”. И стали строить город, но что положат камень, то всосет болото. <...> Между тем царь состроил корабль, оглянулся: смотрит, нет еще его города. “Ничего вы не умеете делать”, – сказал он своим людям и с сим словом начал поднимать скалу за скалою и ковать в воздухе. Так выстроил он целый город и опустил его на землю». И еще: “...Поднимаются с суомийских берегов огромные скалы, переплывают под ноги царя вейнелейсов, и все он поднимается выше и выше, и на громаду скал взбегают суомийцы, и царь вейнелейсов прикрывает их своей огромной рукою. То <...> на берегу моря скалы разрываются с треском, а из них выходит огромный блестящий город. <...> И над городом опять царь вейнелейсов в золотом венце; его носят облака небесные...”²³.

Если в двух первых фрагментах развивается традиционная уже тема “Петр – камень”, то в последнем возникает новая выразительная деталь: скалы, возвышающие русского царя, поднимаются с суомийских берегов и переплывают ему под ноги. Здесь есть, конечно, чисто идеологический оттенок, указывающий на то, что Финляндия сама стремится к России. Но есть и другое: восхождение Петра к облакам небесным обеспечено финскими камнями, лежащими ему в подножие²⁴. Из финских скал рождается и его столица. Ветхий финский гранит становится новым камнем Петра.

Но и в самом Петре, каким рисует его Одоевский, скрыты финские колдовские (= волховские) качества. Петр в “Саламандре” назван “мудрым ковачем”, ударами по наковальне он разит врагов, свой город кует в воздухе, сестра просит его выковать ей месяц из серебра и солнце из золота. Финский мифологический прообраз здесь вполне очевиден: это Ильмаринен. Вот что пишет о нем Я.К. Грот, у которого Одоевский почерпнул сведения о финских преданиях: “...Ильмаринен – был ковачем. Общность сего ремесла в народе отражалась даже и в языке финском: слово *Seppa* (кузнец) означало вообще делате-

ля, так что, назвав и предмет работы, можно было выразить тем словом всякого производителя”. Грот сообщает, что “Ильмаринен, по просьбе своего брата, кует солнце и луну из серебра и золота”, а в Похьоле работает без наковальни и кузнечных орудий: “Быстро движет он тяжкий молот в бездверной кузнице, в безоконной комнате”, “на железной скале”²⁵ (ср. Петр, кующий в воздухе²⁶).

Петр-камень смиряет финские воды и финскую землю лишь потому, что финские чародейные силы живут в нем, подобно тому, как в апостоле Петре живет ветхий Симон. Дело заходит даже еще дальше: чудодейство Петра, в сущности, целиком и полностью объяснимо этими магическими силами, прирожденно ему присущими. Только на сей раз не Симон, а Ильмаринен оказывается сокрытым в Петре. (Примечательно, что победы русских над шведами вызвали к жизни предание, будто Петр – швед²⁷).

Понятно и то, почему выбран не Вейнемейнен, а Ильмаринен: Вейнемейнен стар, Ильмаринен молод. Он ближе Петру, хотя и он в контексте петербургской мифологии – ветхое начало в Петре. Впрочем, и Вейнемейнен не остается непричастным к этой истории. Выразительно то искажение, которому подвергается у Одоевского финское обозначение русских. Финское *venalaiset* (= венелейсет) он передает как “Вейнелейсы”, включая (возможно, невольно) в состав этого слова (имени русских) фрагмент имени Вейнемейнена (*Vainamoinen* – у Грота же именно Вейнемейнен, а не Вяйнемейнен).

Любопытно, что и в пределах финского самосознания оказывалось возможным сопоставление русского и финского как молодого и старого (ослабленный вариант оппозиции ветхого – нового). Тот же Грот опубликовал письмо “известного молодого финского филолога”, не назвав его по имени, но указав, что письмо отправлено из Ижемской слободы, что на реке Печоре в Архангельской губернии: “Я бы сравнил русский

народ со страстным юношею <...> мне кажется, что русский национальный характер совершенно отражается в характере того удалого героя, который в народной поэзии древних финнов известен под именем Лемминкейнена, и русские к финнам находятся, по характеру своему, в таком же отношении, в каком Лемминкейнен находится к Вейнемейнену: тот – веселый юноша, этот – угрюмый старик”²⁸.

Так или иначе, но приложение оппозиции ветхого – нового к мифологии “финского” Петербурга подтверждает (весьма, впрочем, тривиальную) историческую истину: власть победителей над побежденными имеет тайной (и, быть может, магической) своей стороной власть побежденных над победителями.

Примечания

¹ См. об этом: *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Отзвуки концепции “Москва – третий Рим” в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // *Художественный язык средневековья*. – М., 1982. С. 240, 245.

² С самого начала Петербург был замыслен как *каменный* город, противопоставленный старой *деревянной* Руси [*Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Отзвуки концепции...С. 244].

³ Деревянные ворота построены в 1708 г. Д. Трезини. Барельеф выполнен К. Окснером. После перестройки в камне (1717 – 1718) ворота получили название Петровских, а барельеф был перенесен на них.

⁴ *Флоровский Г.* Пути русского богословия. – Париж, 1937. С. 86; *Живов В.М., Успенский Б.А.* Царь и Бог: Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // *Языки культуры и проблемы переводимости*. – М., 1987. С. 47 – 153.

⁵ *Немировский И.В.* Библейская тема в “Медном всаднике” // *Рус. лит.* 1990. № 3. С. 12 – 13.

⁶ *Прокопович Феофан.* История императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии и взятия в плен остальных шведских войск при Переволочне, включительно. – СПб., 1773. С. 69.

⁷ Там же.

⁸ *О зачатии и здании царствующего града Санктпетербурга в лето от первого дни Адама 7211 по рождестве Иисус Христове 1703* // Беспятых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. – Л., 1991. С. 260 – 261, 258.

⁹ Приведено в ст.: *Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Отзвуки концепции...* С. 239 – 240.

¹⁰ Там же. С. 239 – 242, 245.

¹¹ Выразительно, впрочем, утверждение Серафима Саровского, что в Петербурге мощей Александра Невского нет (*Мотовилов Н.А., Нилус С. Великая Дивеевская тайна* // Лит. учеба. 1991. Кн. I. Январь-февраль. С. 132).

¹² Возможно, это объясняется тем, что в XVIII в. петербургские земли осмысливались как новгородские или шведские, в XIX же веке включение Финляндии в состав России актуализировало финскую тему. В литературном плане содействовал этому и возникший в XIX в. романтический интерес к фольклору и национальной экзотике. Финская природа и финский вновь открытый эпос в высшей степени удовлетворяли этому интересу.

¹³ *Спивак Д. Финский субстрат в метафизике Петербурга* // Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. – СПб., 1913. Т. 1. Метафизика Петербурга. С. 44-46.

¹⁴ *Пумпянский Л.В. “Медный всадник” и поэтическая традиция XVIII века* // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. – М.;Л., 1939. 4/5. С. 94 – 99.

¹⁵ *Пушкин А.С. Полн. собр. соч.* – М.;Л., 1948. Т. 5. С. 136, 135, 136.

¹⁶ *Прокопович Феофан. История императора Петра...* С. 67 – 68.

¹⁷ *Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 137.*

¹⁸ *Аронсон М. К истории “Медного всадника”* // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. – М.;Л., 1936. С. 223.

¹⁹ *Моск. вестн. 1830. № 1. С. 3.*

²⁰ *Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 135, 136.*

²¹ Этой, демиургической версии петербургского мифа противостояла другая – эсхатологическая. Характеризуя последнюю, Ю.М. Лотман пишет: «В “петербургской картине” <...> вода вечна, она была до камня и победит его, камень же наделен временностью и призрачностью. Вода его разрушает». (*Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города* // Лотман Ю.М. Избр. статьи: В 3 т. – Таллинн, 1992. Т. 2. С. 12.

²² См., наприм.: *Вебер Ф.-Х. Преображенная Россия. Ч. 1* // *Беспятых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. С. 102 – 103; Эренмалъм Л.-Ю. Описание города Петербурга, вкуже с несколькими замечаниями* // Там же. С. 95.

²³ *Одоевский В.Ф.* Повести и рассказы. – М., 1988. С. 248, 250, 251.

²⁴ Образ, данный здесь Одоевским, имеет своим прообразом описания Гром-камня, данные Мицкевичем и В.Г. Рубаном – описания, к которым отсылает пятое примечание Пушкина к “Медному всаднику”: “Смотри описание памятника в Мицкевиче. Оно заимствовано из Рубана – как замечает сам Мицкевич” (*Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 5. С. 150. Отмечено В.Э. Вапура (устное сообщение)). Надпись Рубана и подстрочный перевод стихов Мицкевича см. в кн.: *Пушкин А.С.* Медный всадник. – Л., 1978. С. 270, 143. Надпись Рубана формульна – ее вариант встречается, например, у Сумарокова (“Гора содвинулась, а место пременя...” – *Сумароков А.П.* Избр. произвед. – Л., 1957. С. 110), и она близка предложенному Дидро проекту надписи на пьедестале Фальконетова монумента (см.: *Каганович А.* “Медный всадник”: История создания монумента. – Л., 1975. С. 160). Во всех трех случаях формула XVIII в. не указывает на финское происхождение камня, зато у Мицкевича речь идет о финской глыбе.

²⁵ *Грот Я.К.* О финнах и их народной поэзии // *Современник.* 1840. Т. 19. С. 21, 82, 64.

²⁶ Иную трактовку этого эпизода в “Саламандре” Одоевского см.: *Лотман Ю.М.* Символика Петербурга... С. 15.

²⁷ *Есипов Г.В.* Люди старого века: Рассказы из дел Преображенского приказа и тайной канцелярии. – СПб., 1880. С. 41.

²⁸ *Грот Я.К.* Листки из скандинавского мира // *Современник.* 1844. Т. 33. С. 121, 123, 127 – 128.

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
АМЕРИКАНО-РОССИЙСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ОБМЕН

Ars interpretandi

Сборник статей к 75-летию
профессора Ю.Н. Чумакова

Новосибирск
1997